где, в каком именно монастыре или церкви, он был погребен; часто добавляется сюда еще и краткое упоминание о плаче над телом покойного его родственников или всего народа, а также краткая характеристика добродетелей покойного.

Рассказы Волынской летописи (многие из них воспроизводят отдельные эпизоды «семейной хроники» князя Василька Романовича и его сына Владимира), как и рассказы Киевской летописи, написаны просто, без того нагромождения «дательных самостоятельных», которое так характерно для летописца Данила Галицкого, без свойственных его повествовательной манере стилистических украшений: развернутых сравнений, риторических восклицаний, отступлений «от автора» и пр. Все рассказы волынского летописца строго фактографичны; суховатую деловитость тона и протокольную конкретность описаний только изредка нарушают отдельные колоритные детали: когда Василько вел переговоры с Бурандаем, холмский владыка «стояше во ужасти велице» (стр. 562); Тройден был убит, когда шел «до мовници мыться» (стр. 569); пар, исходящий из горных источников, татарами был принят за «пар ис коней» (стр. 576) и пр.

Нет в летописи Данила Галицкого и чего-либо похожего на повесть о болезни и смерти Владимира Васильковича. Начиная с рассказа о событиях 1287 г., она переключается в отчетливый агиографический строй повествования — в стиле повестей Киевской летописи о смерти Ростислава Мстиславича и его сыновей — Мстислава и Давида. То же нагнетение подробностей, иллюстрирующих христианские добродетели князя. Та же «умилительность» поведения князя (пространные молитвы, глубокие «воздыхания», обильные слезы, воздетые к небу руки).[17] Есть и дословные совпадения. Молитва Владимира Васильковича перед смертью буквально соответствует молитве Давида Ростиславича.

Волынская летопись	Киевская летопись
Владыко господи боже мой! Призри на немощь мою и вижь смирение мое, одержащаа мя ныне: на тя бо уповая терьплю; о всих сих благодарю тя, господи боже, ... яко смирил еси душю мою, во царствии твоемь причастника мя створи... (*стр. 603*).	Владыко господи боже мой! Призри на немощь мою, вижь смирение мое, одержащая мя ныне, да тобою уповая терплю; и о всих сих благодарю тя, господи, яко смирил еси душю мою и во царствии твоемь причастника мя створи... (*стр. 472*).

Плач княгини Ольги по муже почти дословно воспроизводит плач княгини Романа Ростиславича над телом супруга.

Волынская летопись	Киевская летопись
Царю мой благый, кроткый, смиреный, правдивый! Воистину наречено бысть тобе имя во крещеньи Иван, всею добродетелью подобен есь ему: многыа досады приим от своих сродник, не видех тя, господине мой, николиже противу их злу никоторого же зла воздающа, но на бозе вся покладывая провожаше (*стр. 604*).	Царю мой благый, кроткый, смиреный, правдивый! Воистину тебе нарчено имя Роман, всею добродетелию сый подобен ему: многия досады прия от смолнян, и не виде тя, господине, николи же противу их злу никотораго зла въздающа, но на бозе вся покладывая провожаще (*стр. 417—418*).

«Лепшии мужи» владимирские оплакивают смерть своего князя так же, как и «лепшии мужи» новгородские смерть своего князя — Мстислава Ростиславича.

---

[17] См.: И. П. Еремин. Киевская летопись как памятник литературы. ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 85—90.